

Похотливая муза деятельного

Перед бурей

Владимир Широков

Истории жизни и трагикомической любви революционера-философа посвящен роман Владимира Набокова «Дар», полемизирующий с романом «Что делать?». И миф чудо-романа развеялся как сон, как утренний туман. И поплыл на глазах чугунный памятник-надолб мужественному борцу, и верная подруга писателя-борца оказалась на деле вульгарной самкой, любящей покутить, посорить деньгами и понежиться в крепких молодых объятиях студентов-кавказцев.

Страдалец за весь российский народ Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) родился в семье священника в Саратове, где в конце концов и упокоился. Набоков его ничуть не окarikатурил: весь пасквиль на самого себя возвел писатель-философ в своем дневнике, исправно переиздававшемся при советской власти, равно как и воспоминания его близких, где он предстает форменным невропатом за компанию со своей супругицей Ольгой Сократовной.

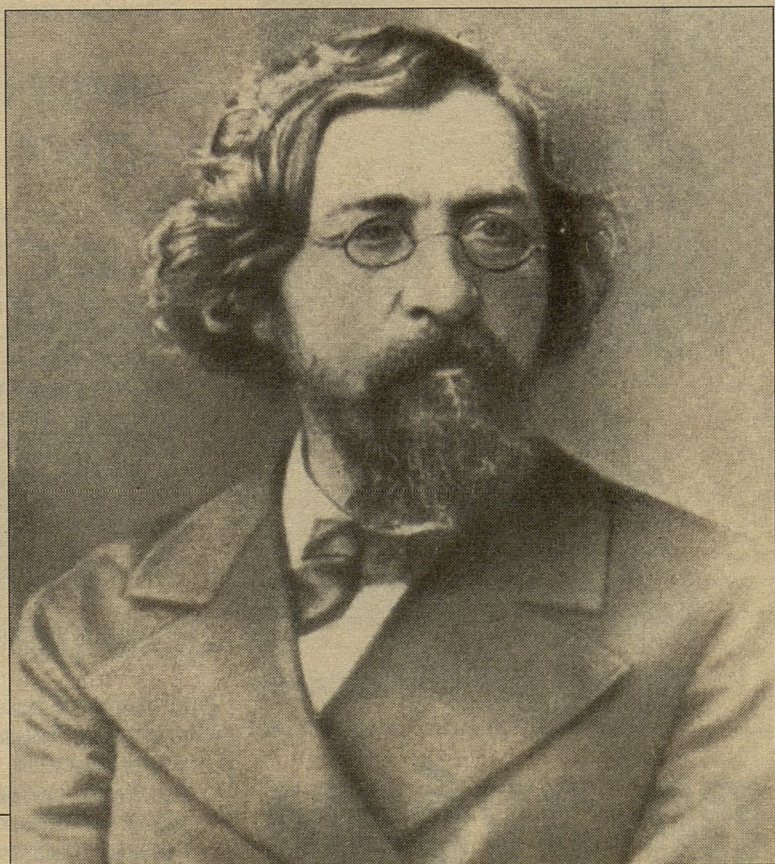
Окончив Петербургский университет в 1851 году, он вернулся в Саратов и занял должность учителя словесности в гимназии. Подследоватый, благообразный, белокурый юноша с тонкими чертами лица и крайне бурлацкими манерами был довольно влюбчив. Еще студентом в Петербурге он увлекся женой своего ближайшего друга Лободовского. Как он страдал е! Ему казалось, что муж несправедлив к ней, недостаточно ценит ее. Вот где первые зерна будущего романа.

Позже Н.Г. увлекся молодой москвичкой поповной, знакомой его родных, которая тоже внушила ему сострадание своим тяжелым положением в семье. Видимо, флюиды сострадания носились в воздухе. Как же хотелось Н.Г. спасти какую-нибудь девушку, причем непременно прехорошенькую! Некрасивых спасать ему почему-то не хотелось.

По приезде в Саратов в 1851 г. он почти влюбился в симпатичную К.Н. Кобылину, потом был еще ряд других саратовских прелестниц, пока внимание Н.Г.Ч. не сосредоточилось всецело на его будущей жене.

Ольга Сократовна (1833–1918) была старшей дочерью саратовского доктора Сократа Евгеньевича Васильева, личности по-своему колоритной. Дочь взяла от него немало во внешности, а по внутренней организации пошла в мать-психопатку. Васильевы жили вполне состоятельно. Но в доме у них, несмотря на множество прислуги, царил странная загроможденность, неряшливость и распушен-

В шестидесятые годы позапрошлого века Россия перенесла почти незаметно, как дурную болезнь, очередную сексуальную революцию. Разгул страстей и эмоций заглушил шум от падения крепостного права. Бедные «шестидесятники», «разумные эгоисты» слепо и охотно подчинялись стадному инстинкту вседозволенности. Ведь устройство личных отношений, которое описал Н.Г. Чернышевский в своем знаменитом романе «Что делать?», тоже, как оказалось, скорее идеал и миф, нежели суровая реальность. Впервые свет увидел судьбоносное произведение в конце лета, в августе, 140 лет назад.

Этот портрет писателя хорошо знаком всем бывшим школьникам советской эпохи

Ольга Сократовна Чернышевская держала супруга в ежовых рукавицах

ность, что в свое время неприятно поразило влюбленного в Ольгу Чернышевского.

Токи страсти

Ольга Сократовна с детства была «бедовой девочкой», как она вспоминала о себе самой. Когда она подросла, успеху ее в саратовском обществе не было конца.

Она поразила Н.Г.Ч. своим свободным обращением, лихим нравом и красотой. Привыкшая к легкому успеху, О.С. вначале просто шутила и играла с Чернышевским, как кошка с мышью, не придавая его «любезничанью» никакого значения. Однажды ей понравилось, что Чернышевский признался, что он «будет покорно служить своей жене». Вспомним, что мысль о тяжелом, зависимом положении женщин вообще никогда не покидала нашего правдоискателя и страсто-терпца. В его дневнике черным по белому стоит: «Если моя жена захочет жить с другим, для меня все равно. Если у меня будут чужие дети, это для меня все равно. Если моя жена захочет жить с другим, я скажу ей только: когда тебе, друг мой, покажется лучше воротиться ко мне, пожалуйста, возвращайся, не стесняйся нисколько».

Естественно, Ольге Сократовне он уши прожужжал этими идеями. И она решила, что Н.Г.Ч. был бы подходящим для нее мужем. Впрочем, Н.Г.Ч. предупреждал, что вряд ли он имеет мораль-

ное право жениться, хотя бы потому, что неизвестно, сколько он пробудет на свободе. Его могут взять каждый день за его проповеди в гимназии.

И все-таки Чернышевский отдался нарождавшейся любви. Как он хотел «спасти» Ольгу Сократовну от семейных отношений! Чернышевский давно решил: «Даже если она будет любить не меня, а другого – все равно я готов на это, я перенесу это. Только бы иметь ее своей женой. Теперь у меня одна забота: деньги, деньги, деньги, чтобы она жила в полном довольстве. Будут и деньги. Будут. И она будет счастлива со мною. И я буду счастлив ее счастьем».

Карусели

Выйдя замуж, О.С. стала держаться еще свободнее. Муж не только на словах, но и на деле стал ее «покорным слугою».

Молодожены вскоре переехали в Петербург, где Ольга Сократовна быстро вписалась в столичные развлечения. И ничего, что финансы их были очень ограничены. Николай Гаврилович получал 40 рублей в месяц как учитель и около 10 рублей в месяц зарабатывал как писатель.

Каждый жил как хотел. Чернышевский – уединяясь в кабинете для работы, поглощенный своими идеями и желанием заработать денежку, чувствуя к тому же, что времени мало и надо спе-

шить. Жене он предоставил жить согласно ее влечениям, был счастлив ее весельем, ее радостью, тем, что Фурье называл «страстью влечений». Страшно, наверное, было посмотреть на Н.Г.Ч. со стороны: руки тряслись, мозги усиленно работали. Он никогда не мог спать после обеда, как другие благодушные литераторы, да и ночью иногда спал по 2–3 часа. Бывало, и ночью проснется, вскочит и начнет писать. Сидел почти всегда в кабинете, минут на пять заскочит на половину, занимаемую О.С., поцелует руку, столкнется с очередным студентом-грузином, пошутит, мол, не ко всем благосклонна его супружница, вот пока новенькому не обломилось, утешит несчастного и сейчас же, совершенно счастливый, вернется к себе, уткнется в бумаги.

Родился сын Сашенька. О.С. отвезла его в Саратов, следующий сын, Виктор, пожил недолго, умер, потом родился Миша, будущий биограф и издатель отцовского наследия.

Пламенное сердце

Стоит заметить, что сестра Ольги – Анна Сократовна (младше Ольги на девять лет) впоследствии стала невестой Н.А. Добролюбова, сподвижника Чернышевского. Восемнадцатилетней девушкой она приехала из Саратова в Петербург осенью 1858 года.

В мае 1859 года Добролюбов проживает на даче вме-

сте с Чернышевскими, беседует и прогуливается по окрестностям с Анной Сократовной. Он просит Анну Сократовну стать его женой и почти добивается благосклонности.

Когда Ольга Сократовна подметила, что обычное расположение ее сестры к Добролюбову неожиданно перешло уже в более серьезное чувство и Анна наконец согласилась на брак с Николаем Александровичем, то решительно выступила против этого брака.

Она привела Добролюбова, как провинившегося мальчишку, в кабинет к Чернышевскому со словами: «Держи его, а я пойду бранить Анюту. Они явились ко мне объявить, чтобы я повенчала их. Я и хвалила их тебе: пусть он сидит у нас. Но какая же жена ему Анюта? Она – милая, добрая девушка; но она пустынная девушка. Соглашусь (ли) я испортить жизнь Николая Александровича для счастья моей сестры? Он мне дороже сестры, хотя я дура необразованная. Я необразованная, сама себя стыжусь и ненавижу за это. Но все-таки я понимаю, моя сестра – не пара Николаю Александровичу. Когда ты можешь ехать в Саратов? Ты отвезешь туда Анюту!»

Не правда ли, элементарная женская ревность так и сквозит в этом взволнованном монологе! Что ж, Чернышевский в очередной раз послушно выполнил решение обожаемой супруги и в

Чернышевский Н.Г.

офт

страстотерпца

конце лета 1859 года отвез бедную, также покорившуюся железной воле старшей сестры Анюту назад, домой, в Саратов, к отцу и матери.

Добролюбов не раз высказывал Чернышевскому свое негодование в адрес Ольги Сократовны, которая между тем как ни в чем не бывало продолжала шутить и кокетничать с Николаем Александровичем и даже поддразнивать его. Так, 15 июня 1861 года (за четыре месяца до смерти критика) она пишет ему в Италию, где он лечился от туберкулеза: «Возвращайтесь поскорее, миленькой Добролюбов! Мы так соскучились об вас! Я в особенности. Серьезно говоря: кроме вас, никого не осталось у меня из друзей моих. Вам только осталась верна — а то всех уж разлюбила.

А какую я вам невесту приготовила, просто чудо! Младшую сестренку. Очень миленькая госпожа. На меня похожа, только гораздо лучше. Она приедет с Лапуничкой.

Ну, прощайте. Будьте здоровы и веселы.

Любящая вас душой и телом Черная женщина». Такое вот письмо, неизвестно только, что ответил на него Добролюбов. Откровеннее некуда. А Лапуничка — прозвище Н.Г. Чернышевского. Младшая сестренка — Эрмиония Сократовна, которую Николай Гаврилович действительно привез с собою из Саратова в Петербург в сентябре 1861 года.

Кто я?

Ольга Сократовна жила в кайф: поиграв утром с ребенком, отдав повару распоряжение об обеде, она с очередным молодым поклонни-

ком отправлялась кататься или ехала в лавки, в Гостиный Двор, где накупала множество бессмысленной ерунды. По вечерам О.С. выезжала в оперу, на балы или устраивала вечеринки у себя дома. Выбежит, бывало, из парадного и прислушивается к музыке, гремющей из окон ее квартиры, и обращается к прохожим: «Слышите? Это Чернышевские гуляют! Везет же людям!» А зимой она любила кататься на тройках с бубенцами, песнями и гиканьем. Сама хватала вожжи и правила лошадьми. Заигрывала с попутными кавалерами. Как-то чуть великого князя не соблазнила. Очень сокрушалась в старости, что не довела дело до желанного конца. Летом же обожала пикники и шашлыки. Каталась на лодке, убранной ковром.

Катастрофа разразилась, как и водится, внезапно. Она не только ошеломила О.С., но и сразила ее навсегда. Н.Г.Ч. был арестован 7 июля 1862 года и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Первый допрос состоялся только 30 октября 1862 г. Зато «повезло» русской словесности: за три с половиной месяца Н.Г.Ч. написал свой знаменитый роман «Что делать?», «чудище», почти полтора столетия мучившее школьников и абитуриентов высших учебных заведений. Публика, прочитав роман в журнале «Современник», замлела: какие же люди бывают на земле! И автор, наверное, такой же герой, страстотерпец!

Кстати, за несколько дней до ареста Н.Г.Ч. предупреждали высокопоставленные знакомые, что ему следует уехать за границу, следует спастись, но он отмахнул-

ся: мол, с оформлением заграничного паспорта замучаешься... Ему предъявили три пункта обвинения: сношения с Герценом, составление прокламаций к барским крестьянам и подготовку к возмущению.

О.С. незадолго до ареста мужа уехала в Саратов, вначале она считала, что все должно скоро и благополучно закончиться. Вот только денег становилось все меньше и меньше, хотя были проданы лошади, экипажи, квартирная обстановка в Петербурге. А в Саратове она жила по-прежнему: держала лошадей, выезжала. Потом О.С. забеспокоилась, в январе 1863 г. приехала в Петербург. Следствие по делу мужа затягивалось, что чрезвычайно раздражало О.С. Ее стала одолевать скука, увеличилась нервозность, стали повторяться припадки истерики. Но вот были получены деньги за роман в «Современнике», и О.С. заторопилась в Саратов, будто бы за детьми. Приехав в Саратов, О.С. только на минуту зашла к родне взглянуть на сына Сапу и спешно уехала в Хвалынский, не взяв его с собой, несмотря на все его просьбы. Отведя душу (и тело) в Хвалынске, месяца через 3–4 она стала бывать в Петербурге наездами, мотаться по стране, рассеивая себя странствиями — то в Москву, то в Нижний.

Вечная бессонница

Участь Чернышевского была решена 17 февраля 1864 г. — он был сослан в Сибирь.

О.С. не была по натуре жертвенной, и только через 2 года, летом 1866 г., решила навестить мужа вместе с 8-летним сыном Мишей. Пробыла в Кадае она всего 4 дня и, даже не отдохнув с дороги, тронулась в обратный путь.

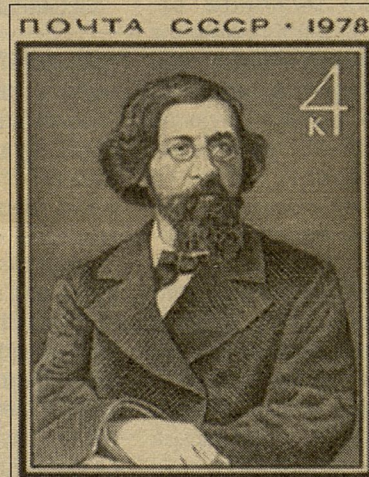
А Н.Г.Ч. в ссылке читал и писал и написанное почти всегда уничтожал. Чтобы рассеяться от долгого сидения за письменным столом, он выходил иногда во дворик около тюрьмы, но за ворота его не выпускали. Он обрюзг, всегда был одет в теплое пальто. Физически Н.Г.Ч. не работал, обязательных работ тогда ссыльным не полагалось, да по своей близорукости и по просту по интеллигентскому неумению Н.Г.Ч. ничего и не умел. Он только путался под ногами и мешал товарищам колоть дрова, топить печи и возить на себе воду. Они отмахивались от него, как от назойливой мухи. И шел он опять к себе в комнату, ставил самовар и угощал чаем приходивших к нему, затеявая долгие беседы.

Царь пожалел узника и сократил ему, мужу вздорной Сократовны, срок ссылки

В семье Н.Г.Ч. рождались только мальчики

наполовину: вместо 14 лет определил 7. Однако вместо ожидаемого освобождения 2 декабря 1871 г. Чернышевского вместо Красноярска или Иркутска перевели в якутскую глушь, в Вилуйский острог, где его «заживо погребли». О.С. не могла разделить участь мужа и не хотела заниматься воспитанием сыновей. Она злилась

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ 1828–1889
И марки такие теперь раритет

После воссоединения супругов в Астрахани осенью 1883 г. жизнь их не стала краше. Чернышевский весь опять ушел в работу, чтобы обеспечить постаревшую «голубку»

на всех и вся, сходила с ума от вынужденного скромного существования, ведь денег не было. Она пыталась развлекаться, переезжая с места на место, развлекая себя случайными встречами, но и случайные партнеры не могли исцелить ее.

Н.Г.Ч. в Сибири, конечно, мучительно страдал за свою «голубку», неоднократно пытался поссориться с ней в письмах и поссорить ее с родней (последнее удалось), чтобы подвести О.С. к выбору свободы, чтобы она могла вступить во второй, более удачный брак. Но О.С. не поддержала его замысел, а просто жила в своем удовольствии.

Старики и старухи

Когда Н.Г.Ч. получил разрешение вернуться из ссылки и стал жить в Астрахани, О.С. было уже 50 лет. Снова появились приличные деньги, и мадам опять вошла в роль светской львицы. Все чаще О.С. предавалась воспоминаниям, как сживала она, бывало, в окружении молодых поклонников, как перегонялась на рысак с великим князем Константином Николаевичем, закрыв лицо вуалью, иногда поднимая ее, чтобы поразить князя огненным взглядом, как был он заинтригован, как многие мужчины ее любили. «А вот Иван Федорович (польский эмигрант Савицкий) ловко вел свои дела, никому и в голову не приходило, что он мой любовник... Канашечка-то знал: мы с Иваном Федоровичем в алькове, а он пишет себе у окна...»

После воссоединения супругов в Астрахани осенью 1883 г. жизнь их не стала краше. Чернышевский весь опять ушел в работу, чтобы обеспечить постаревшую «голубку». Он (под псевдонимом Андреев) перевел 11 томов из пятнадцатитомной «Всеобщей истории» Вебера. А О.С. никак не могла привыкнуть к новому Н.Г.Ч., на нее постоянно находили припадки истерики, никакие лекарства не помогали. В конце концов (уже после смерти писателя в Саратове, где он прожил менее полугода) в августе 1916 г. в местных газетах промелькнуло сообщение, что О.С. поместили в богадельню. Жалкая, выжившая из ума старуха ссорилась, как и прежде, со всеми, беспомощно плакала (Н.Г.Ч., впрочем, тоже с юности плакал охотно и часто. Вот они, «шестидесятники»), жаловалась, что «обижают вдову Чернышевского, вдову Чернышевского обижают...»

Скончалась О.С. в день своего ангела, 11 июля 1918 г., на восемьдесят шестом году жизни. На 29 лет она пережила своего знаменитого мужа.

Пламенный Добролюбов едва не породнился с Чернышевским